

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.12

Original article

РУСМАН Галина Сергеевна
Южно-Уральский государственный
университет (Национальный
исследовательский университет),
Челябинск, Россия,
galina-rusman@ya.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7776-2538>

RUSMAN Galina Sergeevna
South Ural State University
(National Research University),
Chelyabinsk, Russia

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РАЗРЕЗЕ ПООЩРИТЕЛЬНЫХ ФОРМ

THE NATIONAL IDENTITY OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT
OF INCENTIVE-BASED FORMS

Аннотация. Современное российское уголовное судопроизводство характеризуется увеличением поощрительных процедур, целеполагание которых заключается в рациональном разрешении уголовно-правовых конфликтов и в процессуальной экономии. Однако прагматическая ориентация поощрительных уголовно-процессуальных форм на целевую рациональность и эффективность может породить системные риски, ставящие под угрозу нормативно-правовую целостность уголовного процесса как сбалансированной системы, основанной на соответствующих принципах, в первую очередь на принципе законности. Такие риски проявляются в размывании институциональных границ между функциями стороны обвинения и судом, в неучете особенностей доказывания в поощрительных процедурах, а также в допущении вторичности интересов потерпевшего перед публичными целями. Цель: выявить присущие поощрительным уголовно-процессуальным формам противоречия, представляющие собой вызовы национальной идентичности уголовного судопроизводства, и предложить пути их разрешения. Методы: метод анализа использовался для выявления целерациональности уголовно-процессуальных поощрительных форм и определения ее границ; формально-юридический – для изучения нормативной конструкции поощрительных форм; правового моделирования – для обоснования необходимости введения стандарта поощрительного доказывания; структурно-системного анализа и синтеза – для выявления и обоснования ситуаций дисбаланса уголовного судопроизводства при применении поощрительных форм; конкретно-социологический – для демонстрации формализма и ошибок при оценке условий применения поощрительных норм. Результаты:

Abstract. Modern Russian criminal proceedings are characterized by an increase in incentive-based procedures, the aim of which is the rational resolution of criminal law conflicts and procedural economy. However, the pragmatic orientation of incentive-based criminal procedure forms toward goal-oriented rationality and efficiency can generate systemic risks that jeopardize the normative and legal integrity of criminal procedure as a balanced system founded on relevant principles, primarily the principle of legality. Such risks manifest in the blurring of institutional boundaries between the functions of the prosecution and the court, in the disregard for the specifics of evidence in incentive-based procedures, and in the allowance of the victim's interests being secondary to public goals. The purpose is to identify the inherent contradictions in incentive-based criminal procedure forms that pose challenges to the national identity of criminal proceedings, and to propose ways to resolve them. The analytical method is used to identify the purposefulness of incentive-based forms in criminal procedure and determine its boundaries; the formal-legal method is used to study the normative construction of incentive-based forms; the legal modeling method is employed to justify the necessity of introducing a standard for incentive evidence; the structural-system analysis and synthesis method is used to identify and justify situations of imbalance in criminal proceedings when applying incentive-based forms; the concrete sociological method is used to demonstrate formalism and errors in assessing the conditions for applying incentive-based norms. Results: The article concludes that incentive-based mechanisms in criminal proceedings could disrupt the systemic coherence of criminal procedure as a

сформулирован вывод, что поощрительные формы уголовного судопроизводства могут привести к дисбалансу в системной целостности уголовного процесса как неотъемлемого элемента российского права, обусловленного целью справедливого разрешения по существу уголовно-правового конфликта. Действительная эффективность уголовно-процессуальных поощрительных форм возможна посредством усиления восстановительной их сущности и роли судебного контроля.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, поощрительные формы, целерациональность, процессуальная экономия, упрощенные процедуры, освобождение от уголовной ответственности, нереабилитирующие основания, прекращение уголовного дела, публичные интересы

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03308, <https://rscf.ru/project/25-28-03308/> «Концептуальная модель оптимизации поощрительных форм уголовного судопроизводства в контексте гуманизации и цифровой трансформации судопроизводства».

Для цитирования: Русман Г.С. Национальная идентичность уголовного судопроизводства в разрезе поощрительных форм / Г.С. Русман. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 112–119.

fundamental component of Russian law, given its purpose of ensuring a fair resolution of criminal law conflicts on substantive grounds. The actual effectiveness of criminal procedure incentive-based forms is possible through strengthening their restorative essence and the role of judicial control.

Keywords: criminal proceedings, incentive-based forms, purposefulness, procedural economy, simplified procedures, exemption from criminal liability, non-rehabilitating grounds, termination of criminal proceedings, public interests

Financing. The research is funded by Russian Science Foundation Grant No. 25-28-03308, <https://rscf.ru/project/25-28-03308/>, titled “A Conceptual Model for Optimizing Incentive-Based Forms of Criminal Proceedings in the Context of Humanization and Digital Transformation of Justice”.

For citation: Rusman G.S. The National Identity of Criminal Proceedings in the Context of Incentive-Based Forms. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 112–119. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.12.

ВВЕДЕНИЕ

Современное российское уголовное судопроизводство характеризуется внедрением поощрительных форм, представляющих собой совокупность процедур, гарантий и условий, направленных на реализацию целей уголовного судопроизводства, фиксацию оснований применения поощрения и разрешения уголовно-правового конфликта при позитивном, одобряемом государством и обществом поведении лица, привлекаемого к уголовной ответственности [1, с. 22], и интенсификацией их применения. В общем смысле данные формы призваны стимулировать социально полезное поведение обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) с целью скорейшего окончания производства по уголовному делу. Рассматриваемые формы, включая прекращение уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, специальные основания освобождения

от уголовной ответственности, предусмотренные в Особенной части УК РФ, особые порядки судебного разбирательства (гл. 32.1, 40, 40.1 УПК РФ), не являются случайными новеллами в уголовно-процессуальном законодательстве. Они представляют собой целенаправленное воплощение целерациональности¹ в уголовно-процессуальных отношениях, направленной на оптимизацию уголовно-процессуальных ресурсов, в том числе на сокращение

1 М. Вебер рассматривал целерациональность как «идеальную модель работы с решениями», связанную с обеспечением разумной организации человеческой деятельности, которая опирается на знания и опыт, накопленный в соответствующей сфере; знания о содержании процессов и устройстве социальных объектов, подлежащих перестройке; на адекватность решения о специфике ситуации, в которой субъект действует. Рациональность в данном случае представлена связкой «цель – средство», которая предполагает выбор средств, адекватных поставленной цели. Г. Ленк одним из значений рациональности называет целерациональность, рациональность «цель – средство», или инструментальная рациональность, в смысле минимизации результатов при данных не подлежащих обсуждению задачах [см.: 2; 3; 4; 5].

процедурных сроков и снижение социальной напряженности между лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, потерпевшим, государством и обществом, возникшей в результате совершенного преступления.

В то же время именно в рамках поощрительных уголовно-процессуальных форм, казалось бы, сугубо рациональных, а значит, «разумно обоснованных, целесообразных»² конструкций, проявляются элементы (симптомы), угрожающие национальной идентичности уголовного процесса как целостной, логически непротиворечивой системы, основанной на балансе эффективности, законности и справедливости. Стремление к прагматической эффективности уголовного судопроизводства посредством насыщения его поощрительными процедурами, несмотря на множественные положительные ожидания и результаты, может привести к трансформации сущности уголовно-процессуальной формы.

ДИСБАЛАНС ЦЕЛЕРАЦИОНАЛЬНОСТИ ПООЩРИТЕЛЬНЫХ ФОРМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Представляется, что поощрительные формы уголовного судопроизводства, направленные на эффективное разрешение уголовно-правового конфликта посредством сотрудничества лица, привлекаемого к уголовной ответственности, потерпевшего, общества и государства, носят выраженный прагматический, целерациональный характер, что непосредственно проявляется в признаках рассматриваемых форм, а именно в гибкости, взаимовыгодности и экономической целесообразности. При этом гибкость уголовно-процессуальных поощрительных форм характеризуется, на наш взгляд, потенциальной возможностью участников уголовного процесса неоднократно инициировать поощрительные процедуры на различных стадиях; взаимовыгодность выражается в полезном сотрудничестве лица, привлекаемого к уголовной ответственности, потерпевшего, общества и государства, удовлетворяющих свой интерес в ускорении и упрощении судопроизводства, в снижении затрат на него; экономи-

ческая целесообразность и рационализация поощрительных процедур направлены на достижение эффективности судопроизводства, отличающегося простотой и высокой социальной значимостью такого сотрудничества.

А.И. Цыреторов в результате исследования рациональных основ уголовного судопроизводства в разрезе социологических техник пришел к выводу, что прагматизму «чистого» рационализма созвучна эффективность, которая предполагает соотношение затрат и результата (эффекта). В то же время высокая эффективность, отмечает автор, предполагает оперативное и максимально полное достижение поставленных целей с минимальными издержками. «Подобный подход порой означает необходимость упрощения в ущерб должной правовой процедуре как фактору, усложняющему деятельность правоприменителя» [6, с. 156].

Эффективность – это оценочная категория, с помощью которой определяется уровень функциональности механизма индивидуального правового регулирования в динамическом состоянии [7, с. 139]. Оценивая эффективность и рациональность конкретной уголовно-процессуальной формы, нельзя не учитывать, что в ходе производства по уголовному делу наряду с уголовно-правовым конфликтом между сторонами возникают множественные уголовно-процессуальные противостояния. Это сказывается на функциональности и качестве результата применения действующих форм судопроизводства, поскольку сохраняется заформализованность процесса, что может проявляться в том числе в отстаивании служебного интереса, широких дискреционных полномочиях должностных лиц и иметь последствием недостаточное обеспечение прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Применительно к сущностной основе поощрительных уголовно-процессуальных форм – эффективности и процессуальной экономии – следует подчеркнуть важный тезис, сформулированный А.А. Тарасовым: «Эффективность уголовного процесса в конечном счете – это эффективность использования властных полномочий должностных лиц и органов государства для защиты прав и законных интересов людей, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства» [8, с. 106].

² Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985. С. 583.

Поощрительные институты проектировались в уголовно-процессуальном законодательстве как ответ на системные проблемы избыточной формализации и длительности ординарных процедур, перегруженность следственной деятельности и судебной системы. В таком понимании они являют собой логичный и обоснованный с точки зрения теории рационального выбора шаг, направленный на своего рода разгрузку уголовного судопроизводства и переориентацию его участников на сотрудничество, в рамках которого лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, исходя из конформистского отношения к происходящему порядку оценивает закрепленные в законе условия применения конкретной поощрительной формы и возможную «выгоду», избирает стратегию, минимизирующую потенциальные негативные последствия, позволяющую завершить уголовное дело с наиболее благоприятным для себя исходом.

Однако парадокс рациональности поощрительных форм уголовного судопроизводства заключается в том, что, будучи внедренными в систему уголовного процесса, они начинают размывать институциональные границы этой системы. Во многом это обусловлено симбиозом материально-правовых и процессуальных отношений в рамках данных форм, где существование одних невозможно без реализации других.

Поощрительные уголовно-процессуальные правоотношения можно определить как взаимозависимые и взаимообусловленные правовые отношения, складывающиеся в рамках уголовного судопроизводства при реализации материально-правовых поощрительных норм и уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок данной реализации.

Корреляция материально-правового и процессуального содержания в рамках поощрительных правоотношений в уголовном судопроизводстве является безусловной. Ввиду того, что уголовно-процессуальное поощрение реализуется в форме уголовно-процессуальных поощрительных правоотношений, институт поощрения выступает в качестве механизма правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности в целом. При этом применение поощрительных норм, предусмотренных действующим законода-

тельством, а значит инициирование и реализация поощрительных правоотношений, осуществляется в рамках особого порядка – поощрительной формы уголовного судопроизводства [9, с. 47–48]. Следовательно, в материально-правовом смысле поощрение предполагает конкретный результат (освобождение от уголовной ответственности, сниженный размер наказания), в процессуальном смысле «поощрительная форма судопроизводства» – процедурный порядок инициирования и реализации поощрительных правоотношений.

Вместе с тем, как правильно отмечает Л.В. Головкин, фундаментальной особенностью российского уголовного права является его влияние в силу исторических причин на институциональные границы уголовного процесса, что привело к их видоизменению, «уничтожив применительно к предварительному расследованию классическое разграничение между полицией и юстицией за счет "полицизации" предварительного следствия и "квазиюстицизации" полицейского дознания и установив на его месте новое разграничение между "процессуальной деятельностью" и "непроцессуальной деятельностью"» [10, с. 92].

Поощрительные уголовно-процессуальные формы усугубляют обозначенную тенденцию, привнося в публично-правовые по своей природе уголовно-процессуальные отношения квазидоговорные элементы, что обусловлено в том числе широкими дискреционными полномочиями должностных лиц. Особенно это проявляется, например, в особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон и др. Соответствующее процессуальное решение (об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующему (оценочному) основанию, о назначении более мягкого наказания в связи с выраженным согласием с предъявленным обвинением и т. п.) de facto становится предметом согласования между сторонами обвинения и защиты, где деятельность суда порой направлена не столько на установление доказанности обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, сколько на легитимацию достигнутого сторонами «соглашения». Подобный подход при реализации поощри-

тельных форм уголовного судопроизводства может привести к некой «административизации» судебной функции, что противоречит российской классической модели разделения процессуальных функций.

Чтобы не нагнетать ситуацию, стоит оговориться, что уголовно-процессуальные правоотношения не могут носить «договорного» характера, которому присуще равенство сторон, поскольку они невозможны без обязательного участия государства как субъекта такого правоотношения в лице его уполномоченных должностных лиц или судей, обладающих существенно бóльшим объемом правомочий, в том числе инструментами принуждения по отношению к вовлеченным в уголовный процесс лицам.

Относительная трансформация процесса доказывания в уголовно-процессуальных поощрительных формах, его усечение по сравнению с общим порядком уголовного судопроизводства посредством, например, сокращения судебного следствия и минимизации объема исследуемых доказательств является в определенной степени риском, не согласующимся с целерациональностью исследуемых процессуальных форм. Судебная практика показывает, что доказывание в поощрительных формах уголовного судопроизводства порой строится на формальном установлении наличия или отсутствия условий применения конкретной поощрительной формы, признании обвиняемым предъявленного ему обвинения без надлежащей проверки и оценки необходимой совокупности доказательств судом или следователем (дознавателем) вопреки требованиям ст. 17 и 88 УПК РФ. Подобные ситуации создают риск принятия ошибочного решения, что может повлечь последующее его обжалование, нивелирующее признак процессуальной экономии, присущий рассматриваемым формам, ненадлежащую реализацию прав и законных интересов потерпевшего, обвиняемого (подсудимого).

Как справедливо указывает В.Н. Исаенко, ошибки в квалификации преступлений находятся в непосредственной связи с ошибками в оценке доказательств в их совокупности и достоверности каждого из доказательств, а неверная их оценка лежит в основе судебных ошибок [11, с. 61, 63]. Таким образом,

рациональность как экономия процессуальных ресурсов в поощрительной уголовно-процессуальной форме вступает в прямой конфликт с рациональностью – установлением достоверных оснований для применения материального закона не только с точки зрения статей Особенной части УК РФ, но и оснований и условий применения конкретной поощрительной формы, ставя под угрозу принцип законности как в его материальном, так и в процессуальном воплощении.

Чтобы не быть голословной, приведу пример из судебной практики Верховного Суда РФ, иллюстрирующий формальный подход к оценке основания и условий применения поощрительной формы уголовного судопроизводства, в частности освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

В феврале 2023 г. М. через общедоступный российский сайт объявлений о продаже товаров и услуг в нарушение требований законодательства продал К., участвовавшему в оперативно-розыскном мероприятии проверочная закупка, специальное техсредство, предназначенное для негласного получения информации – GPS-трекер (ст. 138.1 УК РФ «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации»). Суд первой инстанции рассмотрел ходатайство защитника о прекращении уголовного дела в отношении М. в соответствии со ст. 76.2 УК РФ и пришел к выводу, что с учетом данных о личности подсудимого и обстоятельств дела возможно освобождение М. от уголовной ответственности с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, поскольку М. ранее к уголовной ответственности не привлекался, обвиняется в совершении преступления средней тяжести, вину в инкриминируемом преступлении признал полностью, в содеянном раскаялся, сделал пожертвование в благотворительный фонд помощи больным детям. Апелляция оставила в силе это судебное постановление.

Однако Четвертый кассационный суд общей юрисдикции не согласился с решениями нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение, указав, что судами не учтена направленность совершенного М. пре-

ступления против прав и свобод, предусмотренных ст. 23 Конституции РФ, что признание М. вины и раскаяние в содеянном нельзя признать мерой, направленной на заглаживание причиненного преступлением вреда, что пожертвование в благотворительный фонд сделано не по инициативе М.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, изучив материалы дела и доводы сторон, в своем определении напомнила, что под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства, что уголовный закон не предусматривает ограничений для освобождения лица от уголовной ответственности по указанным основаниям в зависимости от объекта преступления, а вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Верховный Суд РФ отметил, что М. пожертвовал в благотворительный фонд помощи больным детям 205 000 руб. Оценив указанные действия подсудимого как направленные на восстановление нарушенных в результате преступления законных интересов общества и государства, суд признал их соразмерными и достаточными для принятия решения об уменьшении степени общественной опасности содеянного и прекращении дела. Данный вывод обоснован и подтверждается представленными стороной защиты доказательствами.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ, приняв во внимание конкретные обстоятельства дела, а именно то, что М. продал специальное техсредство, ранее приобретенное для обеспечения безопасности своей семьи, положительные данные о его личности, наличие на иждивении троих несовершеннолетних детей, факт совершения преступления средней тяжести впервые, признание своей вины и ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, пришла к выводу, что суд первой инстанции

законно освободил подсудимого от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. При этом, заметил Верховный Суд, указание Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, что сумма пожертвования определена не по инициативе подсудимого, не может быть определяющим обстоятельством при решении вопроса о применении ст. 76.2 УК РФ, поскольку уголовный закон не предусматривает его в качестве обязательного условия для освобождения лица от уголовной ответственности по этим основаниям³.

В устранении подобной «деформации» уголовно-процессуальной деятельности при реализации поощрительных форм и формировании единообразной практики положительную роль может сыграть разработка стандарта поощрительного доказывания. Такой стандарт должен иметь, с одной стороны, усеченный по отношению к ординарной форме характер, с другой – включать в себя подлежащие доказыванию обстоятельства, не предусмотренные ст. 73 УПК РФ, направленные на установление соблюдения соответствующих условий, например, наличия и формы заглаживания вреда, действительного примирения с потерпевшим, согласия на поощрительную форму, удовлетворенности последнего принесенными извинениями и т. д.

Еще одним риском применения поощрительных уголовно-процессуальных форм, связанным с их межинституциональностью и нравственными началами уголовного процесса, является баланс частных и публичных интересов, надлежащая защита прав потерпевшего.

Острота дисбаланса, порождаемая отдельными поощрительными формами (например, прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время), проявляется в превалировании публичного интереса над интересами потерпевшего. И.Э. Звечаров-

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.11.2025 № 18-УД 25-33-К4 [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2499326 (дата обращения: 04.02.2026).

ский указывает, что расширение оснований освобождения от уголовной ответственности (материально-правовая поощрительная норма) часто происходит в ущерб интересам потерпевшего, процессуальные механизмы защиты которого остаются неразвитыми [12, с. 25]. Преследуя целью скорейшее разрешение уголовно-правового конфликта, государство в лице должностных лиц может отодвинуть на второй план частный интерес потерпевшего, при этом реализуя соответствующий публичный интерес и даже в относительной степени восстанавливая социальную справедливость (например, постановление обвинительного приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве). Однако в данном случае нельзя не учитывать специфику уголовно-процессуальной сферы и не согласиться с мнением А.А. Тарасова: «Частный интерес, попавший в сферу уголовно-процессуальных правоотношений, перестает быть собственно частным интересом – он защищается и ограничивается, прежде всего, в интересах правосудия, которое всегда было, есть и будет объектом публичного интереса» [13, с. 161]. Для минимизации остроты проблемы, связанной с восстановлением прав и законных интересов потерпевшего в обозначенных поощрительных формах, законодатель предусмотрел соответствующий механизм, позволяющий потерпевшему реализовать право требовать возмещения вреда, причиненного преступлением, в рамках гражданского судопроизводства.

Таким образом, чтобы поощрительные формы уголовного судопроизводства не выступали причиной дисбаланса национальной системы уголовного процесса, а являлись гармоничным ее элементом, следует исходить из

восстановительного подхода, неизменности соблюдения уголовно-процессуальных гарантий, особенно предмета доказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поощрительные формы уголовного судопроизводства, концентрируя основные дилеммы между эффективностью и справедливостью, между стремлением к упрощению процедуры и соблюдением законности, обеспечением уголовно-процессуальных гарантий участвующим лицам, между частными и публичными интересами, являются своего рода «полигоном» проверки национальной идентичности уголовного процесса. Несмотря на целерациональный характер уголовно-процессуальных поощрительных форм, ориентированных на процессуальную экономию, чрезмерно прагматичный подход к их реализации демонстрирует некоторые риски, связанные с размыванием институциональных границ между стороной обвинения и судом, ненадлежащим уровнем доказывания, «вторичностью» интересов потерпевшего.

Национальная идентичность уголовного процесса в его поощрительном преломлении должна отражать согласованность и целостность процессуальных норм, институтов и процедур, направленных на достижение эффективного результата при минимальных процессуальных издержках, где рациональность является основой оптимизации, исключающей иррациональные элементы. Развитие и рационализация поощрительных форм уголовного судопроизводства должны заключаться в усилении восстановительной их сущности, в том числе посредством повышения контролирующей роли суда, а не в дальнейшем упрощении в угоду процессуальной экономии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Русман Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Г.С. Русман. – Челябинск, 2023. – 564 с.
2. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Lenk H. Typen und Systematik der Rationalität / H. Lenk // Zur Kritik der wissenschaftlichen Rationalität / Hrsg. E. Agazzi, H. Link. – München : Alber, 1986. – S. 20–21.

REFERENCES

1. Rusman G.S. Incentive-based Forms of Criminal Proceedings. *Doct. Diss.* Chelyabinsk, 2023. 564 p.
2. Weber M. Selected Works. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.
3. Lenk H. Typen und Systematik der Rationalität. In Agazzi E., Link H. (Hrsg.). *Zur Kritik der wissenschaftlichen Rationalität.* München, Alber, 1986, S. 20–21. (In German).

4. Гайдено П.П. Научная рациональность и философский разум / П.П. Гайдено. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
5. Щербина В.В. Целеформирующие и целеобеспечивающие рационализирующие социальные технологии / В.В. Щербина // Социологические исследования. – 2016. – № 4 (384). – С. 50–58.
6. Цыреторов А.И. Рациональные основы уголовного судопроизводства: взгляд через призму социологических воззрений / А.И. Цыреторов // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 3. – С. 150–167.
7. Григорьев А.С. Механизм индивидуального правового регулирования общественных отношений / А.С. Григорьев. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 139 с.
8. Тарасов А.А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса / А.А. Тарасов // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 100–112.
9. Русман Г.С. Взаимосвязь уголовного права и процесса на примере поощрительных правоотношений / Г.С. Русман // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 43–49.
10. Головкин Л.В. Фундаментальные особенности российского уголовного права и процесса с точки зрения сравнительного правоведения / Л.В. Головкин // Закон. – 2013. – № 7. – С. 88–96.
11. Исаенко В.Н. Неправильное применение уголовного закона как следствие несоблюдения требований уголовно-процессуального закона / В.Н. Исаенко // Уголовное право. – 2025. – № 7 (179). – С. 61–71.
12. Звечаровский И.Э. Материальное и процессуальное уголовное право: некоторые рассогласованности и пути их преодоления / И.Э. Звечаровский // Российская юстиция. – 2025. – № 8. – С. 25–31.
13. Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 152–163.
4. Gaidenko P.P. Scientific Rationality and Philosophical Reason. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2003. 528 p.
5. Shcherbina V.V. Goal-Forming and Goal-Supporting Rationalizing Social Technologies. *Sociological Studies*, 2016, no. 4 (384), pp. 50–58. (In Russian).
6. Tsyretorov A.I. Rational Foundations of Criminal Proceedings: A View through the Prism of Sociological Considerations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2024, vol. 19, no. 3, pp. 150–167. (In Russian).
7. Grigoriev A.S. Mechanism of Individual Legal Regulation of Public Relations. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 139 p.
8. Tarasov A.A. The Rational and the Irrational in Discussions about the Development of the Russian Criminal Process. *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 3, pp. 100–112. (In Russian).
9. Rusman G.S. Interrelation of Criminal Law and Proceedings on the Example of Incentive Legal Relations. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 43–49. (In Russian).
10. Golovko L.V. Fundamental Features of Russian Criminal Law and Procedure from the Point of View of Comparative Law. *Zakon*, 2013, no. 7, pp. 88–96. (In Russian).
11. Isaenko V.N. Incorrect Application of the Criminal Law as a Result of Non-compliance with the Requirements of the Criminal Procedure Law. *Criminal Law*, 2025, no. 7 (179), pp. 61–71. (In Russian).
12. Zvecharovsky I.E. Substantive and Procedural Criminal Law: Certain Misalignments and Ways to Overcome Them. *Russian Justice*, 2025, no. 8, pp. 25–31. (In Russian).
13. Tarasov A.A. On the Relativity of the Limits of Public and Private Interests in Criminal Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 152–163. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Русман Галина Сергеевна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rusman Galina Sergeevna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Expertise.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 02.03.2026. The article was submitted 05.02.2026; approved after reviewing 01.03.2026; accepted for publication 02.03.2026.